

Мягкие переливы струн успокаивали разум Рэйнсина Фэйна и настраивали на нужный лад. Обмакнув кисть в палитру, он сделал маленький, едва заметный мазок на холсте, добавив шпилью нарисованному шпилью немного контраста с жёлто-красным, закатным небом.

После этого д'харианец в очередной раз прошёлся придирчивым взглядом по своему творению. Вроде бы, никаких серьёзных изъянов не имелось, создаваемый пейзаж был очень даже красив. Но чего-то Фэйну всё равно не хватало. Глаз ни за что не цеплялся, но генерал-губернатор нутром ощущал, что его картина - не идеальна. И не станет таковой, даже когда он её закончит.

Прерывая мысли д'харианца о своём творчестве, вблизи зазвучали быстрые, тяжёлые шаги.

Со вздохом он отложил кисть и погрузил руки в серебряный таз смывая с себя краску. Если кто-то посмел прервать его в такой момент, значит, дело серьёзное.

Жестом заставив музыкантов прекратить, Фэйн начал облачаться в лежащий на увитых плющом перилах дублет, не желая представать перед подчинёнными практически в negligé.

Неизвестный посетитель остановился у самого балкона. Услышав голос своего адъютанта, обменивающегося «любезностями» с гвардейцами, генерал-губернатор приказал пропустить его.

- Лорд Фэйн, - стукнув себя кулаком в грудь Клисс Нодд. Верный офицер, прошедший с ним всю Северную Кампанию*. И дальний родственник, к тому же.

- Клисс, - кивнул генерал-губернатор, - с чем пожаловал?

- Сообщения из западных гарнизонов. Граница стремительно исчезает... как и предсказывал Магистр Рал.

- Сколько? - мгновенно подобравшись, осведомился Фэйн.

- Три дня, может, неделя... или десять дней, - пожал плечами адъютант, - мэтр Гиллер* не даёт чётких сроков.

- Хм, - задумался генерал-губернатор, выйдя с балкона и направившись в личный кабинет.

Зайдя в небольшое помещение, заставленное шкафами с книгами и свитками, он приказал адъютанту запереть дверь на все замки. После чего уселся за единственный стол и, выдвинув из-под него тумбу, взял оттуда плотный, бумажный лист, а затем, обмакнув лежащее перед ним перо в чернильницу, принялся быстро писать приказы и наставления для высших офицеров.

Произошедшее не было для Фэйна неожиданностью. К падению Границы он готовился с того самого момента, как его легионы в неё упёрлись, и завоёвывать в Срединных Землях стало просто нечего. Поэтому писал он всё не наобум, а излагал на бумаге результат многолетнего мыслительного труда.

Положив кипу бумаг в большой конверт, генерал-губернатор наложил на него две печати. Личную и государственную, герб дома Ралов.

- Передай Васко, что я жду его... немедленно. И приведи сюда петуха ошипанного. Но позже, через... три часа.

Коротко кивнув, адъютант покинул Фэйна.

Таким «ласковым» прозвищем Рейнсин одаривал Манфрида Ильстред Литенского. Принца и личного вассала генерал-губернатора, под управлением которого находилась немалая часть его владений. Младший отпрыск семейства Роу*, не имевший даже призрачного шанса занять престол. Так как перед ним стояло десятеро братьев, каждый из которых обладал во стократ большим влиянием и авторитетом, нежели Манфрид Ильстред.

Королевство Тилат занимало весьма обширную территорию и имело сильную армию с давним традициями. Рыцарская конница этой страны гремела на все Срединные Земли. И не только. Во время прошлой войны д'харианцы претерпели множество невзгод из-за сносящих любые построения, «стальных» всадников.

Фэйн понимал, что лёгкой война с Тилат не будет. И вероятность того, что он потерпит поражение была довольно высока. Королевство всё равно завоевали бы. Не он, так кто-нибудь другой. Генералов и армий у Лорда Рала много.

Но Рейнсин не был частью когорты помешанных на величии Д'Хары маньяков, его интересовала, в первую очередь, собственная выгода. А потому он сделал всё, чтобы собственноручно завоевать Тилат. И напыщенное ничтожество Манфрид стал тем, кто помог Фэйну. Польстившись на обещание д'харианского военачальника, он предал свою семью, пропустив в королевский дворец сотню подготовленных убийц. За одну ночь Тилат был обезглавлен. А на следующий день армия Рэйнсина пересекла границу этого королевства. Среди аристократов не было достаточно богатых и влиятельных личных, способных претендовать на верховную власть. Фэйну противостояли лишь отдельные области и города, которые, зачастую, оказывали весьма ожесточённое сопротивление. Но на общий ход кампании их потуги не сильно влияли, максимум, задерживая продвижение войск Д'Хары на неделю - другую.

Со смертью короля и почти всех его сыновей в Тилат началась гражданская война между герцогами и даже наиболее влиятельными графами. Манфрид объявил себя королём, но его почти никто не признал. Как из-за практически полного отсутствия авторитета у младшего принца, так и из-за того, что все знали: он - предатель и убийца родичей. Фэйн сам поспособствовал тому, чтобы информация об их сотрудничестве стала известна широкой публике. Хоть сколько-нибудь сильный правитель на троне Тилата ему был совершенно не нужен. Рэйнсину необходима была несамостоятельная марионетка, власть которой будет держаться только копьях д'харианских легионеров.

Так оно, в конце концов, и получилось. Манфрид Ильстред получил обещанные Фэйном земли, составлявшие чуть меньше половины территорий королевства. Однако войск для контроля своего домена у «полу короля», как стали называть это ничтожество подданные, не было. Ему ничего не оставалось, как обратиться к Рэйнсину за помощью. И тот с радостью дал ему свои легионы, в обмен попросив «сущий пустяк». Почти все налоги с владений Манфрида идут в казну Фэйна.

В том, что армия не подведёт его, генерал-губернатор не сомневался, но вот разведка вызывала у него сильное беспокойство. Эти ведомство всегда стояло особняком, подчиняясь лишь Лорду Ралу. Даже у него, властителя нескольких провинций с почти неограниченными полномочиями, не было практически никакой власти над службой соглядатаев и кводами, которые им подчинялись.

Это раздражало Фэйна. Он понимал, что эти ведомства - сильная рука Магистра, держащая в

страхе и повиновении, как врагов, так и друзей.

Естественно, подобное ему страшно не нравилось. Добившись невиданных доселе высот, повелевая иными королями, он всё ещё вынужден был оглядываться на Даркена Рала. Фэйн не был предателем или сепаратистом, который мечтает раздробить империю на куски и «свободно» править на своей, отдельной территории. Всё, что ему нужно было: чуть меньше назойливого контроля со стороны Народного Дворца.

Во всём этом Рэйнсина больше всего бесило то, что он вынужден оглядываться даже не на Лорда Рала и его приближённых, а на безродных служак, предки которых месили грязь и крутили хвосты мулам в предгорьях Нижней Д'Хары.

И сегодня Фэйну в очередной раз предстоит разговаривать с живым напоминанием о том, что власть его не так прочна, как ему бы того хотелось.

- Граница... исчезает, - в шоке прошептал Ларс, вместе которым я отправился на инспекцию недавно возведённых укреплений, - ты был прав.

Я ощутил, как тугая струна где-то внутри меня со звоном лопнула. С души как будто камень свалился. Я сделал всё, что мог. Теперь остаётся надеяться на то, что имеющихся ресурсов будет достаточно в грядущей войне против Д'Хары.

Ну а если нет... и на этот случай планы есть.

- Были сомнения? - бросаю, разворачивая скакуна в обратном направлении.

- Я понимал... разумом. Но не верил... до самого конца, - ответил друг, догоняя меня.

Говорить не хотелось. Я прокручивал в мыслях заготовленные стратегии, прикидывая, как именно будет выглядеть эта война.

Ларс, наверняка, размышлял на похожую тему. Только уже со своей колокольни командира конного полка.

Так, в угрюмом молчании, мы въехали в Третий Юго-Восточный Форт, который совсем недавно покинули, намереваясь вернуться в Хартленд. Не сложилось.

Издали защитное сооружение походило на выложенную из брёвен пирамиду. Но это лишь обман зрения, вызванный тем фактом, что часть крепости расположена холме и выступает над остальными укреплениями. А так крепость просто треугольная.

И она откровенно не впечатляет. Маленький, деревянный форт, который может сокрушить залп десятка тяжёлых баллист.

Третий Юго-Восточный Форт не был ни слабым, ни маленьким. Просто большая его часть располагалась под землёй

Многокилометровые подземные лабиринты, ряды соединённых с ними траншей и еле заметные из-за камуфляжа ДОТы, в которых находятся примитивные пушки и мушкеты.

С последними возникла довольно забавная история. Изначально я не собирался «изобретать» огнестрел. Состав пороха был мне не известен, а для производства искусственной нялатты

нужны были: во-первых, бригада квалифицированных алхимиков, во-вторых, термостойкое оборудование, в-третьих, куча компонентов, которые в нынешних условиях отыскать сложнее, чем природную ньялатту. Если она здесь вообще есть.

Поэтому я решил не распылять силы на бесперспективное начинание и вернуться к нему как-нибудь потом, если это вообще будет актуально.

Однако аналог пороха в этом мире был и считался вроде как не совсем бесполезной диковинкой. Когда к нам присоединился очередной полис, его представитель на постоянной основе поселился в Хартленде. И этот представитель был выходцем из Джары, страны, чья культура уж очень сильно напоминает средневековый Ближний Восток. Ну или на северный области Гумара.

Этого человека звали Фарид Фахар, был он уже очень сильно немолод. В своё время он эмигрировал из своей страны вместе с небольшой шахтёрской гильдией. В Вестландии эти люди нашли, куда применить свои навыки. Они нашли богатые залежи различных металлов и организовали шахтёрскую артель. Добываемая ими руда была востребована на всём севере Вестландии. Естественно, не обходилось и без крови. Разбойники и конкуренты, желавшие отобрать наложить лапы на артельщиков и шахты. Но сплочённость и неплохая боевая подготовка помогла джарийским трудягам выжить и построить не самый маленький полис.

Теперь бывшие члены этой артели являются богатыми и уважаемыми людьми. «Отцами-основателями», можно сказать.

Фарид Фахар, как и, наверное, всякий старик, любит вспоминать свою молодость. И как-то раз он обмолвился, как они использовали «пламенную муку», прорубая очередной проход в тверди.

Я тут же заинтересовался этой «пламенной мукой» и в процессе разговора с посланцем Мтины, так называется город, выросший из шахтёрского посёлка, с большим удивлением понял, что речь идёт о практически полном аналоге пороха.

Пообещав Фахару неплохие преференции на «железном» рынке Хартленда, я получил полную рецептуру «пламенной муки» и умельцев, которые готовят её для нужд их горнодобывающей промышленности.

До конца весны было развёрнуто больше сорока лабораторий, подготовлено около трёх сотен специалистов, способных приготовить взрывоопасный порошок.

Ну и попутно, естественно, трудились металлурги, создавая более или менее нормальные пушки и мушкеты.

Благо, Вестландия - богатая на ресурсы страна, здесь есть много хорошего железа, из которого их можно было отлить.

Так как время не стояло на месте, развёртывание пороховой промышленности, создание пушек, и даже обучение бойцов обращению с новым видом оружия, пришлось проводить одновременно. И очень многое шло просто через одно место. Постоянные взрывы, выгорания стволов и отсыревание порошка, которое происходило, банально, из-за слишком большой влажности в воздухе.

Тем не менее, расчёты пушкарей и отряды мушкетёров были созданы, кое-как обучены и оснащены.

На данный момент почти все они являются частью крепостных гарнизонов.

Не без посильной помощи Зедда нам удалось усеять фортами почти всю территорию вдоль Границы. Расположены они были в тех местах, обойти которые очень сложно. В других местах д'харианцев ждут либо густые леса, либо быстрые, широкие реки, перейти которые не в брод практически невозможно.

Для этого придётся строить понтонные переправы и рубить дубравы, строя собственные дороги в обход уже существующих. Если их сильно прижмёт, д'харианцы, без сомнений, этим займутся, но поначалу они попытаются использовать уже существующие пути из-за банальной логистической необходимости. Им же невдомёк, какие «сюрпризы» их там ждут. Возможно, что-то им всё же известно, но весь масштаб «проблемы» д'харианцы точно не осознают.

Спешившись, мы отдали лошадей подбежавшим работникам конюшен, мы с Ларсом, сопровождаемые удивлёнными взглядами солдат, зашли в донжон и спустились в кабинет коменданта.

- Объявляй «жёлтый» уровень угрозы, - сходу приказываю начальнику форта, - Граница исчезает.

- П-понял, - слегка побледнев сказал парень, что был на год младше меня.

Что поделать? Суровые времена требуют суровых мер. Впрочем, комендантом он стал не за «красивые глаза», а будучи действительно толковым офицером. Храбрости и бойцовских навыков ему не хватало, но, как администратор и «комнатный» стратег, парень был на голову выше многих ветеранов, которые, кроме как махать мечом, ничего и не умеют.

Не став больше ничего говорить, мы с Ларсом пошли к апелографу. Очередная «интересная» история...

Этот прибор являлся нашим с Зеддом совместным детищем. Мне нужно было то, с помощью чего можно было бы осуществлять связь на большие расстояния. Волшебник поначалу отнекивался, говоря, что его хватит на создание и поддержку лишь двух, связанных друг с другом «кровавых» тетрадей. Но я не отставал, пытаюсь найти решение проблемы. И таки нашёл его.

Зедд очень долго пытался понять, что я от него хочу, и ещё дольше - исполнял мою просьбу. Так как область знания для него была новой, практически неизведанной. Называлась она техномагией.

Если не углубляться в детали, то я с посильной помощью Зедда изобрёл радио, работающее не на магии, а на сырой нефти, богатые месторождения коей находятся буквально в шести милях от Хартленда.

В момент, когда я понял, что умудрился создать, фактически, двигатель внутреннего сгорания для магического радиоприёмника, меня посетили забавные мысли. О том, что моя страсть к изобретательству, похоже, будет со мной всегда.

Прибор получился громоздким, шумным, вонючим и очень капризным в обслуживании, но это мелочи по сравнению с той пользой, которую приносят данные машинки.

Чтобы добраться до крепостного апелографа, нам пришлось спуститься на самый нижний подземный уровень, куда имели доступ только высшие должностные лица Хартленда. Начиная

от коменданта этой крепости и заканчивая мной.

Прибор для связи был похож на большую печатную машинку, который совместили с автомобильным мотором. В камере, где располагался апелограф, стоял настолько сильный запах нефти, что от одного только вдоха начинала болеть голова. Но не у меня. Я гораздо крепче обычных людей и чувствовал лишь вонь, а вот Ларс, прикрывая лицо рукавом, убежал к лестнице.

Стоило мне залить в бак прибора стоящее тут же ведро с нефтью, как он тут же принялся громко рычать, насилуя мои барабанные перепонки. Не слыша себя, я принялся стучать по клавишам, набирая нужное послание. После чего дёрнул за рычаг справа, отсылая сообщение во все приграничные форты, крепость Стражей и, конечно же, Хартленд.

- Правильно ли я понимаю, генерал Карн: ваш... проект полностью провалился? - изображая трудно сдерживаемый гнев, переспросил Фэйн.

- Я бы не говорил столь пессимистично. Мои люди всё ещё в Вестландии и ждут лишь приказа... - попытался как-то смягчить впечатление от своего провала, самый, пожалуй, ненавидимый генерал-губернатором человек.

- Если бы с вашими «воинами» дело обстояло как-то иначе, то я бы немедленно сообщил Магистру Ралу о вашей полной профессиональной непригодности.

- Благодаря уже проведённой работе, мои люди могут устранить тех, кто способен нам помешать.

- Хаос, хаос это не всегда хорошо. С кем же мы тогда будем договариваться? Кто будет удерживать варваров в стойле? Или вы хотите, чтобы я держал там половину своих легионов? Ради нищих, как истинные слуги Создателя, козлопасов?

- Ради д'харианских землепашцев, которые будут осваивать эти земли. Варварами можно пренебречь, они там не нужны, и скоро их там не будет.

- Что будет с новыми землями решать не вам, Карн, - жёстко осадил Фэйн генерала разведки.

- Не мне, но и не вам... губернатор, - впервые за разговор «показал зубы» его враг, - на всё воля Лорда Рала.

- Иначе говоря, - начал быстро соображать Фэйн, - Лорд Рал желает заселить Вестландию крестьянами из внутренних провинций. Он сам вам об этом сказал?

Переведя взгляд на Карна, он испытал неподдельное наслаждение. Тот, побледнев, превратился в статую самому себе, не способную вымолвить ни слова. Впервые на памяти Фэйна этот дуболом чего-то ТАК боялся.

Впрочем, Рэйнсин не обманывал себя. На его месте он бы страшился ничуть не меньше.

Только что Карн нечаянно выдал информацию, которую ему сообщил Магистр. Причём, наверняка, в личной беседе. Даркен Рал уничтожал и за меньшее. Если он узнает, если ему «кто-то» сообщит, то Карн... можно считать, что его уже нет.

- Значит так... генерал, я запрещаю вам предпринимать какие-либо действия без моего дозволения. И советую вам помалкивать. Это в ваших же интересах, - сообщил Фэйн своему врагу, всеми силами скрывая ликование.

- Я... понял. Разрешите... идти?

- Идите, генерал, - разрешил генерал-губернатор.

Карна он ненавидел больше всех на свете, и в любой другой ситуации без колебаний «слил» врага, вот только Фэйн не был идиотом. Он понимал, что приставленный к нему пёс Насса всего лишь часть большого механизма. Уйдёт он, придёт другой, на которого у Фэйна уже не будет никакого рычага давления.

Откупорив на радостях бутылку с вином полу вековой выдержки, генерал-губернатор как-то растерял всё хорошее настроение. То, что Карн теперь у него на «крючке», это, конечно, хорошо, но не отменяет того факта, что замыслы Даркена Рала кардинально противоречат его интересам.

С тех пор, как Магистр предсказал «паление» Границы, Рэйнсин готовился к этому моменту. Ему и так достались самые бедные и дикие территории Срединных Земель. Соседи Фэйна уже неоднократно выдвигали притязания на его владения. Пока что всё ограничивалось дворцовыми интригами, попытками очернить Рэйнсина в глазах Магистра. Однако Даркен Рал постоянно отметал наветы клеветников, сохраняя неизменными внутренние границы империи и Право Меча. Кто какие земли завоевал, тот ими и правит.

Однако Лорд Рал, что бы он сам по этому поводу не думал, не вечен. Каким будет его наследник и будет ли он вообще - большой вопрос. Что-то пока Магистр не спешит обзаводиться не только детьми, но и женой. А время то идёт.

Будучи неплохо осведомлённым о том, что творится при дворе Лорда Рала, Фэйн боялся, что после его смерти империя распадётся и начнётся гражданская война за трон Д'Хары. Генерал-губернаторы и генералы отложат в сторону сладкие речи и возьмутся за мечи.

Фэйн не обольщался, он понимал, что шансов на победу у него просто нет. Самая маленькая армия, самые бедные территории. Его просто раздавят.

Но с присоединением Вестландии всё изменилось бы кардинально. Пусть и не самые богатые, но весьма обширные земли, на которых проживает примерно в два раза больше людей, чем в его владениях. Рэйнсин всерьёз рассчитывал распространить на эти земли свою власть.

Но, как оказалось, у Даркена Рала совсем иные планы. Заселение Вестландии д'харианцами значило ровным счётом одно. То, что эти территории Фэйн не получит. Они станут частью империума, вотчинной дома Ралов.

Генерал-губернатор чувствовал себя преданным. Вполне возможно, что Лорд Рал просто убьёт его, когда он завоюет для него Вестландию. Для этого ему даже не нужно «марать руки». Достаточно всего лишь помочь одному из конкурентов Фэйна. Яд, прошедший через дегустаторов, которым заранее подсыпали антидот. Какой-нибудь безумный фанатик «свободных» Срединных Земель, готовый на самопожертвование во имя «высшей цели». Случайная стрела на охоте...

Фэйн понимал, что львиная доля всего этого - лишь домыслы, не подкреплённые ничем. Однако весь его опыт говорил: нужно предполагать худшее. Излишняя, на первый взгляд, паранойя

уже не раз спасала ему жизнь и честь.

- Что значит: вы покидаете альянс? - спрашиваю у посла Римты, не самого большого, но всё же довольно значимого полиса.

- Наш народ больше не заинтересован в сотрудничестве с Хартлендом, - сухо ответил молодой Жерак Шатъе, сын богатого сырного магната. Человек, прямо скажем, не самый лучший. Избалованный и ограниченный, но роль «говорящей головы» исполняющий неплохо.

- Могу я поинтересоваться причинами столь «смелого» политического шага? - угрозы в моём голосе не заметил бы только полный идиот. Остальные послы удивлённо начали перешёптываться и переводить взгляды с меня на своего коллегу, сделавшего столь неожиданное заявление, с интересом ожидая, чем же это всё закончится.

- Мы считаем, что все выгоды от сотрудничества исчерпаны, - продолжил сыпать заготовленными тезисами Шатъе.

- Что ж, я всё понимаю, - говорю, возвращаясь на место председателя.

Все присутствующие смотрели на меня, мягко говоря, с удивлением. Только что челюсти не роняли.

- Рад, что меж нашими народами не возникло разногласий, - улыбнулся этот идиот, видимо, всё же понимая своим куриным мозгом, что нарывался на скандал, - прощайте, господа.

И посол Римты, стуча начищенными сапогами по мраморному полу, зашагал к выходу. Я не стал его останавливать, вместо этого просто дал знак стражникам, которые «приняли клиента». Сначала загородив ему дорогу, а затем взяв под руки, потащили его прочь. В тюрьму.

- Не могу сказать, что был рад знакомству, - глядя вслед, утаскиваемому Жераку, иронично заметил Чейз, представлявший на этом собрании Стражей Границы.

- Не хорони раньше времени... вашу дружбу.

После этого немудрёного обмена репликами с подтекстом обстановка немного разрядилась. Все здесь были людьми, в той или иной мере «тёртыми» и произошедшее с Жераком Шатъе не могло их шокировать, по определению. Тем более, что чего-то такого они и ждали.

Этот идиот, видимо, даже устав альянса не открывал, иначе бы знал, что просто так выйти из него нельзя. Нужно, во-первых, предупредить о намерении за полгода, во-вторых, получить одобрение, как минимум, ещё пятерых представителей.

К тому же, если бы в Римте действительно имелись какие-то серьёзные «сепаратистские» настроения, я бы об этом знал.

А вот кто надоумил Шатъе на этот «перформанс» крайне интересно. Ну ничего, посидит денёк в настоящей камере, глядишь, сдаст все свои «явки, пароли».

Граница начала исчезать три недели назад. Одиннадцать дней её уже полностью нет. А д'харианцы что-то не стремятся пока вторгаться в на нашу территорию. Границы пересекают

лишь небольшие отряды конных разведчиков и кводы, которые мы усиленно ловим.

К сожалению, многие группы всё же просачиваются и устраивают чуть ли не демонстративные бесчинства. Сжигают деревни, убивают людей, а их отрезанные головы насаживают на колья, которые выкладывают вдоль дорог. Правда, им это, как правило, выходит боком. Потому что их по свежим следам находят и безжалостно вырезают наши патрульные.

Хорошо ещё, что большинство жителей приграничных территорий было эвакуировано далеко на запад. К востоку от Хартленда осталось процентов тридцать от населения, жившего там ещё год назад.

Действия д'харианцев дали нам отличную почву для пропаганды. «Вот, посмотрите, то о чём мы вас предупреждали, сбывается! Враг беспощаден и бесчеловечен...» и т.д.

Гибель мирных жителей, конечно, ужасна, но если бы я не переселил людей заранее, жертв могло бы быть гораздо больше. Общество взбудоражено, напугано и озлоблено. Как и армия, настроенная весьма воинственно. Всё складывается, в целом, неплохо.

Однако меня беспокоят действия д'харианцев. Я их просто не понимаю. Возможно они хотят нанести нам экономический ущерб, спровоцировать панику и породить толпы беженцев, которые потоком хлынут на запад. В более обжитые и развитые районы. Чем породят хаос и неразбериху. В этом имелся бы смысл. Если бы масштаб террора, устраиваемого конными диверсантами, был на порядок серьезнее. А так д'харианцы работают себе же во вред. Эти странные рейды уже лишили их эффекта неожиданности и настроили жителей Вестландии против Д'Хары.

Если бы они зашли сюда с многотысячной армией, подобные «эксцессы» были бы вполне объяснимы. Прятаться просто уже не имело бы никакого смысла, а солдаты привыкли «кормиться» на чужой территории. Ведь это так удобно. В разы сокращает издержки любой военной кампании, значительно удешевляя снабжение войск.

Собственно, эти и другие вопросы мы здесь обсуждали, пока не вылез Шатъе со своим «важным» заявлением.

Собрание прошло, в целом, неплохо. Хотя и было заметно волнение некоторых послов. Тех, чьи города находятся непосредственно у границ со Срединными Землями.

И выходка Жерака не добавила им уверенности. Но это так, незначительные частности.

Если смотреть в общем, на всё происходящее, то созданная мной система, альянс полисов, пока что более или менее функционирует. Города на западе подтвердили свои экономические обязательства. Они будут поставлять воюющим соседям все необходимые товары. Первые караваны уже всюду снаряжаются. Ну а восточные полисы и Хартленд, в первую очередь, уже передвигают войска к бывшей Границе и мобилизуют ополчение. Пока что с д'харианцами сражается только армия Хартленда и Стражи Границы, но скоро к нам подойдут подкрепления из других полисов.

Я очень долго бился над тем, чтобы утвердить единое командование над всеми войсками, но союзники упирались до последнего, закономерно опасаясь ещё большего усиления Хартленда. Однако после того, как пошли вести и конных отрядах Д'Хары, послы стали гораздо более сговорчивыми. Пока что этот вопрос всё ещё не решён. Но, думаю, в ближайшее время я всё же смогу продать этот закон, который станет предтечей для новой, единой армии Вестландии.

Собрание закончилось уже поздним вечером.

Возвращался домой я, будучи крайне опустошённым. Говорильня сильно утомила меня. Не физически, но морально. Всё же держать в узде кучу «акул», многие из которых претендуют на одни и те же куски мяса, неустанно напоминая им о кракене, чья пасть уже нависла над ними - занятие крайне непростое. Нужно знать что, кому и когда говорить. Или не говорить. Стоит ли вообще вести диалог с тем или иным человеком или лучше пообщаться с кем-нибудь другим. С тем, кто лучше понимает ситуацию и имеет больше влияния.

Передвигался я по городу без охраны. В простой, не самой приметной одежде. Поэтому меня издалека даже не все знакомые узнавали. На публичных мероприятиях я одевался, как и подобает главе самого могущественного полиса Вестландии. То есть, дорого, пафосно и со вкусом. А ещё все мои парадные наряды теперь ослепительно белые. Это неплохо выделяет меня из толпы и действует на подсознание людей, неосознанно заставляя их проникаться ко мне тёплыми чувствами. Белый цвет все любят. Он олицетворяет чистоту, искренность и добрые намерения.

Помню, когда Зедд впервые увидел меня в белом плаще поверх белой камизы и белых же штанов, то одарил довольно странным взглядом. Будто вспомнил нечто неприятное. Выражение лица было настолько красноречивым, что этот момент буквально врезался мне в память.

Зайдя в дом, я ощутил аромат специй и жареного мяса. Учитывая, что слуг здесь по-прежнему нет, мне стало любопытно.

Стараясь не издавать звуков, я, крадучись, пошёл туда, откуда шёл запах, на кухню.

Загадка почти сразу разрешилась. У печки обнаружился неровный, слегка подгоревший мясной пирог, а рядом, за кухонным столиком сидела Кэлен, имевшая вид слегка измученный и какой-то лихой. Она с непонятным остервенением уплетала рубленные, судя по всему, куски свинины, плававшие в некоем соусе, среди ингредиентов которого явно были сметана и укроп.

Картина, прямо скажем, нетривиальная.

- Классно выглядишь, - говорю, обозначая своё присутствие.

- Спасибо, - напряжённо ответила девушка, судорожно вытирая губы, - только попробуй засмеяться.

- И не думал, - пытаюсь откреститься от подозрений.

- А вот эта улыбка тогда откуда взялась?

- Я просто сражён твоей милотой, - пожимаю плечами.

Простой комплимент вызвал у Кэлен довольно странную реакцию. Она вздрогнула всем телом и посмотрела на меня с какой-то затаённой болью... и страхом?

Наше общение давно перешло в неформальную плоскость. Но до этого момента я не допускал и намёка на флирт в отношении Исповедницы. Не потому что это была какая-то осознанная позиция. Просто как-то к слову не приходилось. Общались мы наедине не так уж часто. И, в основном, по делу. Так что в этом нет ничего удивительного. Тем более зов Меча Истины сильно отвлекал, не добавляя хорошего настроения.

К счастью, к этой напасти, как оказалось, можно привыкнуть, и сейчас эта проклятая вещь уже не так сильно меня беспокоит.

Кто же знал, что красавица так отреагирует на совершенно безобидную шутку?

Впрочем, учитывая, что нормальных отношений у Исповедниц не бывает, по определению, я вполне мог ненароком ткнуть пальцем в кровоточащую душевную рану.

- Осваиваешь кулинарию? - меняю тему разговора.

- Приходится, - отвечает она, заметно расслабляясь, - "Сладкий Окорок" закрылся.

Это харчевня, где каждый из нас обедал. Так уж вышло, что ни я, ни Кэлен, ни, уж тем более, Зедд, готовить не умеем. И времени на это ни у кого нет. Я постоянно в разъездах, на работе пропадаю допоздна. Кэлен много времени проводит, непосредственно, в Хартленде, но и у неё забот выше крыши. Ну а Зедд, кажется, вообще меня в последнее время избегает, заглядывая в город, от силы, раз в месяц. Вот мы и приспособились к этому, начав питаться в неплохой харчевне, располагавшейся неподалёку от дома.

- Почему? - спрашиваю, слегка огорчённый данным фактом.

- Джо записался в ополчение. Джек рвал и метал, поссорился с женой, сыном и дочерьми. Все от него ушли. А без них Джек просто не потянул дело.

- М-да, жаль. Марта пекла отличные черничные пироги...

- И до сих пор печёт. Они с Шанной хотят открыть свою харчевню. Думаю, у них всё получится.

- Хм, надо им помочь... наверное, - произношу задумчиво.

- Я уже... - пытаюсь не смотреть в мою сторону, тихо ответила Исповедница.

- Что "уже"?

- Уже помогла им. Дала сумму... займы... небольшую.

- Молодец, помогла хорошим людям. Стесняться тут не...

- Я взяла золото из твоего хранилища! - скороговоркой выпалила Кэлен, а затем буквально зажурилась, как ребёнок. Так мило...

Стоп. Что?!

- Ты отдала им мои деньги, без спроса. Почему не свои? - спокойно спрашиваю, решив не пороть горячку. Тем более, что я практически не разозлился.

И да, она получала неплохую зарплату за свою просветительскую деятельность. Так что деньги у неё были и немалые.

- Моих не хватало, - виновато, потупив взгляд, ответила она.

- И сколько?

- Двадцать три золотые и сто серебряных.

- Хмпх, ладно, хорошо, но, давай, в следующий раз, перед тем, как ты соберёшься тратить мои деньги, ты мне об этом хотя бы сообщишь?

- Прости, я знаю, что сглупила. Просто Марта - очень хорошая женщина, я очень хотела ей помочь и... не подумала.

- Хорошо, что ты это понимаешь, - на Кэлен я практически не злился, скорее, был разочарован, что её так легко провели.

Марта ушла от Джека, наверняка, не с пустыми руками. У неё должны были быть какие-то сбережения, которых, скорее всего, хватило бы на открытие новой харчевни. И в помощи она, вряд ли, нуждалась. Тем более в такой значительной.

Не став сообщать Исповеднице о своих догадках, чтоб не расстраивать, я просто сел рядом и принялся уплетать стряпню Кэлен, попутно нахваливая её кулинарные таланты. Было весело. Она и сама понимала, что приготовила не самую вкусную в мире еду. А я просто, по-доброму, подкалывал её, используя нелепые похвалы.

Кэлен

Всё это время улыбка не сходила с её губ, а зелёные очи искрились, словно догорающее хранилище боевых химикатов.

Глядя на эту улыбку, я сам улыбался вместе с ней. Когда она рядом со мной, моя душа поёт, а сердце греет меня лучше иной печки.

После этой странной трапезы мы переместились в малый гостевой зал и, зажгя камин, сели рядом, согреваясь от комнатного пламени.

Это был один из тех редких вечеров, когда мы с ней позволяем себе расслабиться и просто говорить, о чём-то угодно. Она сидела напротив меня и рассказывала о своём детстве, о Срединных Землях, и об Эйдендриле. А я просто млел, наслаждаясь голосом Кэлен.

- Она швырнула курицу обратно и заявила, что я - жадная тварь, у которой дворец лопается от золота...

- И что было потом? - проявил я лёгкий интерес к этой истории.

- Я расплакалась и побежала жаловаться маме.

- Представляю, что было потом.

- Не думаю, - покачала головой Исповедница, - мама отругала меня, а потом заставила ходить по всему дворцу, искать этой женщине работу. Она сказала, что раз уж я взялась помогать ей, то должна довести дело до конца.

- Хм, неожиданно здравый подход.

- "Неожиданно"? - подняла брови вверх Кэлен.

- Ну, будем честны, твоя мать - не самая умная женщина на свете, - сказав, понимаю, что

ляпнул откровенно лишнего. Расслабился, перестал следить за речью, и вот результат.

Лицо Исповедницы закемененело, и во взгляде появилось что-то... пугающее.

- Почему... ты так решил?

- Сама посуди, - решаю всё же объяснить свою точку зрения, а не идти на попятную, сглаживая углы, - ты же рассказывала мне о том, что когда-то Исповедницы пытались напрямую управлять государствами, но из этого ничего путного не вышло. И с тех пор ваш орден старается напрямую не вмешиваться в политику...

- Всё так, но причём здесь...

- А твоя мать взяла и исповедовала короля. Правителя одного из сильнейших государств в Срединных Землях. Может быть, у вас это в порядке вещей. Но есть у меня маленькое, совсем крохотное убеждение, что этим она настроила против себя и всех Исповедниц большинство галейской знати. И, возможно, не только галейской. Ставлю, на что угодно, что многие короли и аристократы в тот момент испытали самый настоящий ужас. Ведь любая Исповедница, оказывается, может прийти к ним и превратить в своих рабов. Просто потому что ей так захотелось.

- Но... это была не её прихоть, королева...

- Уверен, со стороны всё выглядело именно так. Вряд ли, многие были осведомлены о проблемах внутри королевской семьи. И, вряд ли, твоя мать кому-то что-то объясняла. С моей точки зрения, она поступила крайне недальновидно. Подобные вещи можно делать только в том случае, если у тебя есть огромная, преданная лично тебе армия. Ну или же беспрецедентная поддержка всех социальных слоёв. В ином случае, это всё равно, что пилить сук, на котором сидишь.

Судя по лицу Кэлен, я заставил её задуматься. Пусть мои слова ей и не нравились.

- Ты рассуждаешь, как политик...

- Естественно, а как ещё я могу рассуждать? Как политик, оценивающий действия другого политика.

- Но мама не была политиком. Она была Матерью-Исповедницей, - так, будто бы это всё объясняло, заявила Кэлен.

- Если я ничего не путаю, то Мать-Исповедница обладает высшей в Срединных Землях исполнительной и судебной властью. Она председательствует на Совете Срединных Земель и, фактически, управляет Эйдендрилом. Если это не политическая должность, тогда я не знаю, что это.

- Мать-Исповедницы - гарант мира и порядка, это её главная обязанность. Ей не нужно участвовать во всяких политических играх.

- Ты говоришь лозунгами, Кэлен. В твоём представлении есть некая безусловная величина. Правила и установки, которые должны работать просто по факту. Но мир это не упорядоченная система, не чёткий механизм. Мир хаотичен по своей природе. Всё правила и законы придуманы нами, людьми, ради наиболее удобного существования в нём. И существуют до тех пор, пока нам это удобно. Не говоря уже о том, с какой частотой они нарушаются, даже не

будучи отменёнными. Политика пронизывает всё наше существование. Она решает, какая в этом году будет цена на пшеницу, и какое именно платье будет у жены мельника. Я не понимаю, как человек обладающий такой властью может игнорировать политику, не задумываться над последствиями своих действий.

- Но... но... над какими последствиями? Может, кому-то не понравилось, что мама исповедовала отца, но всё было нормально. Ты просто не понимаешь, Исповедница делает то, что сочтёт нужным, стараясь не злоупотреблять своей властью, и всё принимают это. Таков закон Срединных Земель.

- А ты уверена, что последствий не было? Не случилось ли такого, что какой-нибудь герцог или король сдавался Даркену Ралу без боя? Переходил на его сторону тогда, когда были ещё шансы на победу? Я так и думал.

- Неужели... неужели мамин поступок действительно всё разрушил? - спустя минуту тяжких раздумий, спросила Кэлен. Личико её выражало усиленную работу мысли и сильнейшее удивление.

И, может быть, со мной что-то не так, но я вновь невольно ею залюбовался. Какой бы эта девушка ни была, она казалась мне прекрасной в любом случае.

Кстати, облик Кэлен претерпел значительные изменения с нашей первой встречи. Она состригла волосы до лопат, заплела оставшуюся "гриву" в одну большую косу, а вместо очень приметного платья облачилась в облегчённый вариант летней экипировки Стражей Границы. Тонкий, "ветровой" плащ, рубашка с обрезанными до локтей рукавами, тонкие штаны, высокие шнурованные ботинки из бычьей кожи и сапожки-мокасины, которые можно под них пододевать. В комплект ещё входит плотный дублет с карманами, но Кэлен надевает его только когда уезжает из Хартленда. Сейчас она была в полу расстёгнутой рубашке, открывавшей вид на крепкие, объёмные, белые груди, и в лёгких штанах, что выгодно подчёркивали её стройные ножки.

- Сильно в этом сомневаюсь. Один поступок одного человека, кем бы он ни был, не в состоянии разрушить политико-социальную устои, складывавшиеся тысячелетиями. Куда более вероятно то, что у вас была куча нерешённых проблем, которые постепенно уничтожали ваше квазигосударство. А твоя мать просто вынула из ненадёжного фундамента один из камней.

Мои слова вновь заставили Кэлен уйти в себя. И на этот раз она размышляла куда дольше.

- Наверное, ты прав, - произнесла Исповедница и вновь замолчала, уставившись в огонь.

Разговор сам собой угас. Я взял томик кельтонских стихов и стихотворных рассказов, высматривая там удачные выражения и красивые обороты, которые можно было бы вставить на каком-нибудь публичном выступлении.

За книжкой я не заметил, как Кэлен уснула прямо там, в кресле. Пришлось со всей осторожностью, дабы не разбудить, отнести её в спальню. На секунду мелькнула подленькая мыслишка, что её, наверное, надо раздеть, но я отмёл этот похотливый порыв и ограничился лишь мокасинами, в которых действительно было бы неудобно спать.

А наутро пришли новости с границ. Тысячи д'харианских солдат ступили на землю Вестландии.